

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Завещательный акт, составленный Герценом 1 августа 1852 г. в Фрибурге (см. XXIV, 384–389).
- ² Дом в Париже на улице Amsterdam, № 14 (гостиница Hôtel de Navre), полученный Герценом в наследство от матери. В 1851 г. он стоил 135 000 фр. и приносил доход 7 000 фр. ежегодно (см. XXIV, 383).
- ³ Т.е. Н.А. Тучковой-Огаревой.
- ⁴ О желинии Герцена, чтобы его наследство разделено было поровну между всеми детьми, см. в XXVII, 524 и XXIV, 130.
- ⁵ Равноправность Лизы в наследственных делах Герцен подчеркивал неоднократно. Так, 26 декабря 1867 г. он писал сыну: “Если б я умер – Лизе выделить четвертую часть” (XXIX, 249) и др.
- ⁶ Лиза покончила с собой 21 декабря 1875 г.
- ⁷ Сам Герцен сомневался в выгодности покупки сыном дачи возле Флоренции (см. XXVII, 204; XXIX, 93–94, 204).
- ⁸ А.А. Герцен уехал из Флоренции в 1881 г., получив кафедру физиологии в Высшей медицинской школе в Лозанне, а с 1891 г. – на медицинском факультете Лозаннского университета, где он работал до конца жизни.
- ⁹ Ср. предсмертное письмо Лизы, с. 553.
- ¹⁰ Речь идет о Г. Шиффе.
- ¹¹ М. Шифф уехал в Женеву в 1876 г. А.А. Герцен возглавил кафедру физиологии в Институте высших наук при Спеколе в 1877 г.
- ¹² Владимир и Петр стали врачами, Алексей – инженером, Николай – профессором-правоведом, Гуго – горным инженером, Эдуард – профессором-химиком (см. хранящуюся в РГБ рукопись: Léonard R i s t. Alexandre Herzen et sa famille, февраль 1973 г.). К тому времени старший (Александр, Тутс) уже получил образование в престижном итальянском Лесном институте (г. Валломброза, Аппенинские горы) и стал специалистом по охране вод и лесов.
- ¹³ См. об этом в книге А.А. Герцена-внука: “Le Pécos, ou Quatre mois de séjour à Vaud près Eddy, N.M. (Nouveau Mexique) par A. H e r z e n - f i l s, sous-inspecteur des eaux et forêts”. Lausanne, 1892.
- ¹⁴ Право собственности на издания Герцена было куплено Ф.Ф. Павленковым, начиная с 1894 г. (см. “Лит. наследство”, т. 62, с. 831).

КОЛЯ ГЕРЦЕН

ПИСЬМО К М.К. РЕЙХЕЛЬ (ЭРН)

Публикация Л.Р. Л а н с к о г о

13 июня 1839 г., перед появлением на свет своего первенца, Герцен внес в дневник запись, обращенную к новорожденному:

“Тебя, существо неродившееся, тебя, в котором слились два бытия, Александр и Наталия, благословляю тебя, благословляю! Иди е жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может, погибнешь, но принесешь чистую душу. – Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а богом для человечества.

Ее жизньню, твоей жизньню клянусь и присягаю.

Боже, сохрани же их!” (I, 333–334).

Не только старшего сына, но и остальных своих детей Герцен страстно желал видеть в рядах деятельных и убежденных борцов за свободу всего поработанного человечества, и сделал все, чтобы воспитать из них передовых, высоконравственных и высокообразованных людей.

После появления на свет первого сына – Александра – супругам Герценам выпало мучительное и затажное испытание: в течение трех лет у них один за другим умирали новорожденные дети. Вот почему с особенно обостренной тревогой ожидали они в конце 1843 г. нового ребенка. Когда же знаменитый московский врач А.А. Альфонский объявил о рождении совершенно здорового мальчика, Герцен отметил в своем дневнике: “Еще не смею, боюсь надеяться...” (II, 323).

Переписка Герцена этого времени пестрит шутивными упоминаниями о сыне, названном в честь его ближайшего друга – Огарева – Николаем. “С мальчиком я как-то еще не очень знаком, и он со мною, – писал Герцен, – впрочем, у него начинают разворачиваться таланты очень рано – чихает и протягивает руки...” (XXII, 168). Отцу вторят окружающие: “Славный мальчик...”, “здоровый и прехорошенький собой” ... “В Николенке есть что-то женское, – записывает Герцен в дневнике, – что за бесконечная кротость в его детских чертах, что за мило-доброе и вечно смеющееся лицо” (II, 396; ср. XXII, 210).

Внезапное заболевание Коли повергает родителей в “судорожное состояние”. Герцен расстроен, молчалив, печален. “Странно видеть его таким, – отмечает Е.А. Елагина, – уж при- выкли видеть его смеющимся вечно и разговорчивым”¹.

Коля был необыкновенно умен и понятлив, но домашних не переставало удивлять, почему он не отзывается на оклики. Мальчику было уже около года, когда выяснилась причина этого: он был совершенно глух. Общая любовь и нежность к ребенку еще больше возросли, но тревога о его судьбе все сильнее отравляла родителям жизнь. Глухота в то время была редко поправимой бедой: в большинстве случаев от нее до конца жизни не избавлялись и она воспринималась как умственное повреждение. Специальные школы, существовавшие и в Москве, Герцена не удовлетворяли. Разговор пальцами, а не губами он не считал настоящим разговором. Между тем ему известно было, что в Германии и Швейцарии уже делались попытки обучения глухих нормальной речи (см. X, 160), однако рассчитывать на получение заграничного паспорта для себя и своей семьи он не мог, поскольку находился под строгим надзором полиции.

Коля был одарен необыкновенными способностями: “Вечная тишина вокруг него, сосредоточивая его живой, порывистый характер, славно помогала его развитию и вместе с тем изошряла необычайно пластическую наблюдательность: глазенки его горели умом и вниманием; пяти лет он умел дразнить намеренно карикатурно” всех приходивших к ним “с таким комическим тактом, что нельзя было не смеяться” (X, 160).

Строг и суров был дед мальчика – И.А. Яковлев. Колю же он откровенно обожал, баловал без меры и до слез смеялся над выходками шаловливого внука. “Привязанность к этому чудному ребенку была последним светлым лучом в жизни дедушки. Да и кто не любил этого прелестного голубоглазого ребенка! Он скоро замечал особенности каждого и давал знаками свои названия (...) Он сам помогал нам находить знаки, чтоб сообщаться с ним, при этом был послушен и кроток. В нем столько было забавного, оригинального, он занимал всех и каждого и был общим любимцем во всё продолжение его короткой жизни...” Так писала о Коле милая, добрая, умная Мария Каспаровна Рейхель, проведшая часть своей молодости в семье Герцена². Она горячо полюбила Колю, и ребенок каким-то особым чувством уловил ее любовь и отвечал ей страстной привязанностью. “Еще лежа у груди кормилицы, – рассказывала Мария Каспаровна, – он бросал ее, когда я входила, и тянулся ко мне ручонками (...) Я им жила, им наслаждалась, но никогда не отдалялась от той черты, по которой должно было идти воспитание по взглядам его родителей...”³

Жена Герцена пишет ему 10 октября 1846 г.:

“А Коля здоров, весел, большею частью, но какое иногда у него бывает грустное личико – сердце обливается кровью – что это? зачем у этого милого существа отнято полжизни, почему оно недокончено, и сколько страданий ему от этого, – вздор, чтоб для него это было все равно, это так неестественно, – впрочем, стоит на его лицо посмотреть иногда. Мне его ужасно жаль, и никогда эта рана не залечится – Альфонский опять уверял, что в Дрездене сделают операцию, – не верю...”⁴

В конце 1846 г. Герцену удалось, наконец, получить заграничный паспорт, и вскоре вся семья, в обшитых мехом санях, отправляется в продолжительный и нелегкий путь. Берлинские врачи-специалисты тщательно обследуют Колю и приходят к выводу, что слышать он никогда не будет. “Это разлагает меня до тла”, – пишет Н.А. Герцен московским друзьям (XXIII, 11). Постановка обучения в Берлинском институте для глухонемых Зегерта, в который Герцен собирался устроить сына, также производит на него удручающее впечатление. Осматривают Колю врачи и в Париже, где поселился Герцен с семьей в 1847 г.; они не говорят ничего определенного. Между тем мальчик “становится с каждым днем милее, умен поразительно”, о чем пишет Наталья Александровна Т.А. Астраковой в Москву. “Ты не можешь себе представить, что это за чудный ребенок, поразительный ум, грация и доброта, я не надеюсь, чтоб он стал слышать, – мне кажется, все это ему дано в замену” (XXIII, 25, 33).

Осенью бабушка Коли (мать Герцена) Луиза Ивановна вместе с Марией Каспаровной Эрн увозят пятилетнего Колю в Цюрих, где находилось лучшее в Европе учебное заведение для глухонемых. Они решили поселиться там на несколько лет, чтобы дать возможность Коле пройти полный курс обучения.

“Первое время ученье шло медленно, особенно когда учили односложные слова, и я уже начинала бояться за недостаток способности у Коли, но боязнь моя недолго продолжалась; когда он несколько освоился с выговором, он начал быстро подвигаться вперед (...) Все мы и бабушка, и прислуга, и кто бы к нам ни приходил, скоро научились нужному движению губ и вместе с Колей учились запасу тех слов, которые он каждый день выучивал, и могли говорить с ним. Он не только был понятлив, но у него было удивительное чутье для выражения его симпатий (...) Все, чему он учился, он умел тотчас применять к действительности и, несмотря еще

на малый запас слов, который был в его распоряжении, он умел придавать речи более или менее различные оттенки..." – писала полстолетия спустя М.К. Рейхель⁵.

Доброту и трогательную наивность ребенка рельефно передает следующий забавный эпизод: однажды после поездки в горы Коля, очень довольный прогулкой, попытался в знак признательности пожать лошадям ноги, говоря: "Благодарю, благодарю". А успехи его в языке дошли до того, что по временам он даже пробовал каламбурить. Узнав, например, что означает слово "водопад", он однажды опустил на пол кусочек хлеба и сказал по-немецки: "Хлебопад".

Наталья Александровна пишет Грановскому о Коле: "Я на его счет совершенно спокойна: что для него делает Машенька (Эри) и Лу(иза) Ив(ановна), больше сделать нельзя, да и в будущее его мне как-то верится, он всех похуже на Ал(ександра)" (XXII, 182).

Это свидетельство жены Герцена о физическом и психическом сходстве Коли с его гениальным отцом вполне оправдывает особый интерес к личности этого изумительного ребенка.

20 декабря 1849 г. Герцен с женой приезжают погостить в Цюрих. Они застают Луизу Ивановну и Машу в сборах на экзамен, где должен выступать Коля. Является делегация от училища, которая настоятельно приглашает Герцена. "Коля был восхитителен, – сообщает Герцен, – он меня тронул до слез. Он будет говорить, будет говорить... представьте себе, он уже знает названия всех окружающих предметов" (XXIII, 217).

В "Былом и думах" упоминается о том, что у Коли был тогда приглушенный голос и что он мало обозначал ударения, "но уже говорил очень порядочно по-немецки и понимал всё, что ему говорили с расстановкой..." (X, 160).

Обрадованный очевидными успехами сына, Герцен горячо поблагодарил дирекцию училища и педагогов и, в свою очередь, получил от них самые лестные заверения в уважении и преданности.

Заниматься в этом училище Коле пришлось, однако, только несколько месяцев. После отъезда Герцена цюрихские городские власти узнали, что Колин отец вовсе не граф, как они думали, а социалист, атеист, автор "подрывной книги" "С того берега" и попытались выжить ребенка не только из училища, но и из города различными придирками, требованием паспорта, денежного залога и пр. Герцен рассказал об этом друзьям, в том числе И.С. Тургеневу, связанному с французскими журналистскими кругами, и в парижской прессе появились заметки, обличавшие происки реакционных властей и полиции Цюриха. "Итак, Колю преследуют (...), – писал он в феврале 1850 г., вспоминая, вероятно, о том "трудном пути", на который он с младенчества "благословлял" своих детей (...) – И эти подлецы думают, что, выполняя подобные распоряжения, они что-то выиграют..." (XXIII, 272–273). Швейцарская реакционная пресса попыталась опровергнуть приведенные в газетах факты; тогда в полемику вступил сам Герцен, опубликовавший в парижской газете "Voix du Peuple" две полемические заметки, "Contenti estote" и "Le journal *La Suisse* nie le fait..." (авторство Герцена установлено мною – см. XXX, 493–494, 498). В этих печатных выступлениях Герцен доказал, что шестилетний Коля не был выслан из Цюриха только потому, что за него немедленно внесли крупный залог. "Остается лишь узнать, – едко замечал Герцен, – что было бы предпринято, если бы у родных не оказалось достаточно денег, чтобы выплатить эту сумму..." (XXX, 498).

"Да здравствует Коля! Я в восхищении, мы открыли ему путь к славе, я намерен писать здесь tanto росо о Швейцарии", – заявил Герцен в одном из своих писем из Парижа (XXIII, 278).

Герцену противно было оставлять ребенка в этой "ослиной пещере". В одной из глав "Былого и дум" с подзаголовком "Преследование ребенка" он сообщал, что лучшему учителю цюрихской школы для глухонемых Й. Шпильману он предложил стать воспитателем мальчика. Мать Герцена Луиза Ивановна переехала с этим педагогом и ребенком в Ниццу, где и поселилась (см. X, 161).

В марте 1851 г. Наталья Александровна сообщала в Москву: "Коля, как маленький царек, живет у Л(уизы) Ив(ановны), их дом несколько шагов от нас, мы видаемся несколько раз в день, у него гувернер отличный человек, любит его и учит его с любовью к ребенку и к ученью, Коля говорит по-немецки, читает, пишет, весел и здоров, как нельзя больше, умен и сметлив поразительно и не изменил своей страсти к Машеньке" (XXIV, 165). Машенька – Мария Каспаровна Эрн уже не живет в Ницце: она вышла замуж за музыканта А. Рейхеля и переехала в Париж. Коля и его бабушка постоянно переписываются с нею. В каждом письме Луиза Ивановна сообщает о необыкновенных успехах Коли во всем, даже в танцах, и о его забавных словечках, заставляющих Герцена и его домашних смеяться, "как сумасшедшие"; пишет, что друзья Герцена "прямо влюблены" в Колю, который "все хорошо и хорошо". "Вчера, – пишет в одном из писем Луиза Ивановна, – у нас был большой вечер (...) и Коля был душой общества. Представляешь себе гордость Шпильмана! Александр несколько раз ставил Колю в пример Саше и Тате"⁶.

В августе 1851 г. Луиза Ивановна, Шпильман и Коля отправляются в Париж – погостить у Марии Каспаровны. Незадолго до того у нее родился сын, но она продолжает относиться к Коле с ослабевающей любовью...

“Коля был трогательно нежен к моему маленькому, – вспоминала впоследствии Мария Каспаровна, – просил позволения подержать его на коленях и сидел с ним, не шевелясь, повторяя: “Mein Kind”^{54*} (...) Его привязанность ко мне была безгранична; однажды у него в Париже болел зуб, и надобно было его выдернуть. Мы отправились с Колей к известному тогда зубному доктору. Коля никак не соглашался на операцию. Я увела его в другую комнату и обещала, что если он согласится дать выдернуть зуб, он может три ночи ночевать у меня. В ту же минуту он согласился, и зуб был вынут. Обещание было исполнено, и последнюю ночь перед отъездом из Парижа он тоже ночевал у меня”⁷.

14 ноября Луиза Ивановна, ее племянница Луиза Суццер, Шпильман, Коля и горничная выехали из Парижа в Ниццу. Путь их лежал через Марсель, где они сели на пароход “Ville de Grasse”, предварительно известив об этом Герценов.

В три часа ночи, когда пароход проплывал мимо Йера, невероятный грохот разбудил пассажиров. Оказалось, что двигавшееся в противоположном направлении судно “Ville de Marseille” столкнулось с “Ville de Grasse” и носовой частью расколело его пополам. Пароход стал быстро погружаться в воду. Шпильман, выскочивший на палубу, успел крикнуть женщинам, чтоб они поскорее одели Колю. Растерявшаяся горничная вынесла ребенка без шапки и обуви. Мальчик был перепуган, его знобило, он повторял: “Мне холодно! Мне холодно!” Когда Луизе Ивановне удалось подняться на палубу, почти никакой надежды уже не оставалось... Но вот со спасательной шлюпки на пароход внезапно бросили веревку; Шпильману удалось завладеть ею. Отличный пловец, он, без сомнения, спас бы свою жизнь, если бы бросился в воду. – “Спасайте ребенка!” – закричала ему Луиза Ивановна. Она поскользнулась, и в ту же секунду огромная волна смыла ее в море. “Давайте сюда Колю”, – крикнул Шпильман горничной, но она, оцепенев от страха, не тронулась с места. Тогда Шпильман вынужден был отпустить веревку. Он бросился вперед и схватил Колю на руки. Веревкой воспользовался другой пассажир. В то же мгновение на палубу налетел пенистый вал, и пароход со всеми оставшимися на нем пассажирами пошел ко дну. “Шпильман вел себя героически, – отметил Герцен, – он погиб за Колю, для Коли”^{55*} (XXIV, 212).

Катастрофа глубочайшим образом потрясла Герцена. А Наталья Александровна, которая до гибели Коли уже начала выздоравливать, снова оказалась в плену безнадежной болезни.

Гибель сына и матери Герцена поразила в Москве, по словам его брата Егора Ивановича, “всех без исключения”. К нему ежедневно “приезжали и приходили москвичи для изъявления участия, соболезнования и uznания подробностей”. Виднейшие представители западноевропейской демократии с глубоким сочувствием восприняли печальную весть о гибели сына их уважаемого собрата.

Это трагическое событие и волнующий подвиг своей матери и Шпильмана Герцен хотел

КОЛЯ ГЕРЦЕН

Дагерротип. (1850–1851)

Российский государственный архив литературы и искусства
Москва

^{54*} “Мое дитя” (нем.).

^{55*} См. подробно об этом в “Былом и думах” (X, 276–282).

увековечить, установив мраморный памятник на берегу Средиземного моря, у Йерского маяка. “Какая группа, – писал он Ж. Мишле, прося его подыскать скульптора для воплощения этого замысла: – моя мать, в момент гибели думающая только о внуке и умоляющая спасти его; юноша, жертвующий собой ради его спасения, и ребенок, прекрасный, как ангел” (XXIV, 211). За работу над проектом взялся французский художник А.-О. Прео. Бонапартистский переворот во Франции и последовавший затем переезд Герцена в Лондон помешали осуществлению этого плана.

Но до нас дошел другой памятник, гораздо более долговечный, чем мрамор, – “Былое и думы”, в котором Герцен воссоздал обаятельный облик своего младшего сына, жизнь которого так много обещала и так оборвалась...

В “пражской коллекции” (РГАЛИ) и среди бумаг семьи Герцена (РГБ) сохранилось немало детских рисунков и писем Коли, адресованных родителям и М.К. Рейхель и относящихся к концу его жизни. Письма написаны детским почерком, по-немецки. Здесь воспроизводится одно из них. В “пражской коллекции” находятся два дагерротипа Коли. Выражение лица его на обоих снимках печально и строго.

Письмо публикуется по автографу: РГБ, ф. 69. IX, 283–284.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЛЖГ 1, 302.

² Рейхель, 31.

³ Рейхель, 30

⁴ См. кн. 1-ю наст. тома, с. 550.

⁵ Рейхель, 66–67.

⁶ “Лит. наследство”, т. 63, с. 403.

⁷ Рейхель, 71.

Перевод с немецкого:

⟨Ницца. Лето 1851 г.⟩

Моя любимая Маша,

Маша – сокровище. Я прилежен. Канарейка целует Машу и Морица. Мориц говорит Маше: матушка. Художник нарисовал мой портрет. У бабушки в кофе сахар; сахар делает кофе сладким. Кофе с молоком полезен для здоровья. Я целую Машу.

Коля Герцен